

НАРОДНО-ГЕРОИЧЕСКАЯ ТЕМА

Гастрольное лето щедро одарило новосибирцев искусством сибиряков. Вслед за томским и иркутским к нам в гости приехал Красноярский драматический театр имени А. С. Пушкина. Один за другим демонстрируют театры свои достижения, посвящая их 60-летию Великому Октябрю. Каждый коллектив имеет свои художественные пристрастия, свое творческое кредо. И это очень хорошо, что театры разные, что сатирический спектакль томичей «Клоп» соперничает в силе выразительности с трагическим «Макбетом» иркутян, что красноярцы подарили нам радость встречи с великолепной народной драмой Н. Кулиша «97», которая открыла 2 августа их гастроль.

«Девяносто семь» — первая, по определению Луначарского, «могучая пьеса из крестьянской жизни». Написана она в 1924 г., сразу же завоевала украинскую сцену, была восторженно принята и зрителями и критикой. По своему эпическому размаху эта пьеса стала как бы предтечей знаменитой «Любови Яровой» К. Тренева. В живых, достоверных сценах драматургу удалось воплотить образы крестьян-бедняков, их героическую борьбу с голодом, с происками кулаков. «97» — это трагический плакат, запечатлевший мир,

расколотый на два непримиримых лагеря, когда враждебные друг другу силы «сдвинулись лоб о лоб». Главное действующее лицо драмы — народ, крестьяне, осознающие и создающие собственную судьбу.

Постановщик спектакля Н. Басин уже известен новосибирским зрителям: несколько лет назад он руководил Владивостокским театром, который с успехом гастролитировал в нашем городе, а поставленный им тогда спектакль «Хлеб» В. Киршина произвел большое впечатление мастерством разработки народных сцен. Режиссер верен своей устремленности к эпическому театру, и новая встреча с его искусством создания обобщенного портрета народа вызывает самый живой интерес.

Красноярцы (художник — А. Золотухин, композитор — Ф. Ароис) смело используют плакатный образный строй пьесы. Непримирым контрастом предстают флаг над сельсоветом по одну сторону сцены и крест над стареньким божьим храмом — по другую. В прологе над покосившимися избами, над древними церковными постройками разносится песня на слова И. Уткина: «Ты за меня, я за тебя, и за Республику оба!» Алым пламенем вспыхивает горизонт, и на его фоне четко вырисовываются силуэты людей в шинелях, кожанках, ватниках, в фуражках и красных косынках. В едином порыве поют они песню гражданской войны. А в финале, прерывая самосуд разъяренной толпы, подстректаемой кулаками, коммунист Смык катит прямо через зрительный зал телегу со спасительными мешками хлеба. Умиравший Копыстка протягивает зрителям горсть зерна, и оно сыплется из коченеющей руки. Резкими, контрастными чертами обрисованы враги и народные заступники. Середины нет — или ты ставишь свою подпись под решением реквизировать церковное золото, или ты против. Место в списке девяноста семи — кровью оплаченное место.

Коммунисты 20-х годов... Их образы встают из песен, кинофильмов, романов. Но в те далекие времена, когда создавалась пьеса «97», еще не было ни «Чапаева», ни «Разгрома», ни «Оптимистической трагедии». Перед нами один из самых первых опытов раскрытия образа человека новой эпохи. Режиссер и исполнители ролей Сергея Смыка и Мусня Копыстки проделали большую работу, чтобы приблизить к нашим дням образы коммунистов, созданные на заре советской драматургии.

Вот председатель сельсовета Сергей Смык в исполнении С. Хомского. Сутуловатый, сухощавый, с аскетичным лицом, в долгополой распахнутой шинели и с револьвером на боку, он весь еще в накале гражданской войны, он, как взведенная пружина спускового крючка, в любой миг готов сорваться, посадить пулю в ненавистного врага. Категоричен, непримирим, неустов в порывах, совсем как Макар Нагульников. Но при всех конкретных черточках характера он, как и герой Шолохова, устремлен в будущее, беспредельно предан делу революции.

Крупной удачей спектакля стал образ коммуниста Мусня Копыстки в исполнении А. Трущенко. Небольшого роста, поджарый, на тонких ногах, обутых в ботинки с обмотками. Лицо будто вырезано из сухого корневища — щек нет, одни скулы да желваки. Поначалу он производит чуть ли не комическое впечатление. Зрители улыбаются, когда Копыстка произносит свой тост в честь деда Юхима: «Граждане буржуи!.. Шапки снимите перед дедом, челом ему бейте, так вашу маму... Он вам землю пахал...» Зрители смеются, когда Копыстка совершает свой первый «героический поступок» — после мучительных колебаний выливает наземь драгоценный самогон, потому что он «подарен» кулаками. Но самые сильные сцены у Трущенко те, где его герой молчит. Курит свою самокрутку и молчит. Подстректаемая кулаками озверевшая толпа готова растерзать Копыстку за «надругательство» над храмом божьим. А тот невозмутимо стоит на церковных ступеньках и молча курит. Делает это он так по-мужицки истово, так вызывающе бесстрашно, так яростно сверкают его угольки-глаза, что враги немеют перед душевной силой коммуниста. Курит он и перед расстрелом, когда жена его Параска (эту роль превосходно играет Е. Мокшенко) предлагает Мусню разделить с ним его участь. По пьесе кулаки успевают расправиться только с глухонемым Ларноном, ложно обвиненным ими в каннибальстве. Режиссер приводит на расстрел самого Копыстку, и это он, а не Ларнон, трижды раненый, вновь и вновь поднимается с земли, чтобы встретить новый выстрел в упор.

Решающее значение в спектакле имеют народные сцены. Раскрыть образ народа в его горе и стремлении к добру, в его сложном, извилистом пути к правде — задача невероятной сложности. Постановщик смело показывает трагические моменты слабости крестьян, когда, поддавшись кулацкой агитации, толпа под церковный перезвон готова кликушевать: «Бей их!». Болью в сердце отзываются эти сцены. Но неуклонно идет рост сознательности крестьян, волны стихии наталкиваются на волю и упорство коммунистов, передовых людей деревни.

Вот нарастает неистовство, наплывают, усиливаясь, вопли, брань, и вдруг — крупно, масштабно решающая схватка. Играется она нарочито замедленно, вязко, исполненная внутренней силой. Очередной взлет страстей, водоворот тел, стремительных проходов — и остановка: перед Копыткой дед с клюкой, он плюет Мусню в лицо. Не шевельнувшись председатель ревкома, только отчетливо продиктовал Васе: «Товарищ секретарь! Запишите этот факт в протокол...». Стремительно набегает новое движение толпы, новый всплеск яростного шума, и перед Копыткой оказывается иступленная старуха, ее вздетая к небесам рука со скрюченными пальцами шлет проклятия боготступнику. В ответ — молчаливый взгляд. Зал наэлектризован. Аплодисментами встречают зрители смелый поступок деда Юхима (Ю. Кустов), поставившего свою подпись в списке 97-ми в самый критический момент.

Аплодисменты на сюжетный поворот, сценическую ситуацию в наше время явление чрезвычайно редкое. Чтобы они возникли, нужно предельно заострить конфликт, играть искренне, вдохновенно. Артисты красноярского театра своим спектаклем «97» продемонстрировали зрелое мастерство, исполненное высокой гражданской ответственности. Не отказываясь от плакатности художественного языка пьесы, театр сумел многие роли прочесть с позиций современного понимания сценического реализма. Так, наряду с открытым плакатом возникли психологизм образов

коммунистов, сложность таких женских характеров, как Параска, как трагическая фигура Арины (С. Зима), неоднозначность образов кулаков и их пособников у Ю. Новожилова (Панько), В. Потопова (Гиря), В. Дьяконова (Годованый). Юбилею Октября красноярцы посвятили достойную работу.

Л. БАЛАНДИН.

На снимке: сцена из спектакля; Смык — С. Хомский, Копыстка — А. Трущенко, Параска — Е. Мокшенко, Вася — В. Селиванов.

Фото Н. Соичевой.

СОБЕТОНА СИБИРЬ
г. НОВОСИБИРСК
№ 7 АВГ 1977